

И. М. САВЕЛЬЕВА

ENTANGLED HISTORY АНДРЕЯ ПОЛЕТАЕВА¹

Герой статьи – ученый, экономист, статистик, специалист по теории исторической мысли, историк и теоретик науки А.В. Полетаев (1952–2010). Его исследования стали новым словом в ряде социальных дисциплин. Статья повествует о пути А.В. Полетаева в историческую науку, о движении его исследовательских интересов от анализа экономических процессов к экономической истории, затем – к современной теории истории, изучению эволюции образов прошлого в разные эпохи, исследованиям массовых исторических представлений. Анализируются основные теоретические идеи цикла исторических работ, написанных в соавторстве с И.М. Савельевой.

Ключевые слова: А.В. Полетаев, история, теория, экономическая история, историческое время, знание о прошлом, массовые исторические представления, классика.

Андрей Владимирович Полетаев родился 27 сентября 1952 г. в Москве, на Арбате и был настоящим «дворянином арбатского двора». С Арбата – и на всю жизнь – были друзья детства. Оба его деда – арбатские. Один, Евгений Черномордик, большевик, был арестован в 1937 г. и расстрелян в 1938 г. Бабушку, как жену врага народа, арестовали тогда же, но в 1938 г. отпустили, и она потом жила еще долго. Другой дед, профессор медицины Павел Берлин, был главным врачом туберкулезной клиники в Пушкино. В его квартире на Арбате и жила вся семья. Мама, Галина Павловна, тоже была врачом, а отец, Владимир Евгеньевич Полетаев, доктор исторических наук, профессор, работал в Институте истории СССР, заведовал созданным им сектором историко-социологических исследований. Фактически он был одним из первых социальных историков в СССР, которых можно соотнести с западной исторической наукой того времени. Он начал использовать математические методы в изучении истории рабочего класса. А.В. Полетаев говорил о себе, что он – профессор в третьем поколении. Это было для него важно, как и арбатские корни.

Андрей учился сначала в английской школе, а в 9-й класс поступил в знаменитую 2-ю математическую школу. Тем самым, выбор специальности был предопределен знанием математики. Все, кто выросл в то время, помнят, куда поступали амбициозные молодые люди (Физтех,

---

¹ Здесь использованы материалы большого интервью, данного Б.З. Докторову: *Савельева*. 2015(а). См. также: *Савельева* 2015 (б).

МИФИ, МГУ), какие были конкурсы и риски. Андрей выбрал экономкибернетику. О притягательности кибернетики в 60-е годы тоже все помнят.

В МГУ Андрею очень повезло. Его рано заметил профессор Револьд Михайлович Энтов. Энтов обладал целым рядом достоинств и важнейшими были знание экономической теории (economics) и педагогический талант, призвание к выращиванию молодежи и созданию своего круга. Чтобы попасть к нему в ученики, надо было знать высшую математику (или, по крайней мере, быть готовым ее освоить), владеть английским языком, чтобы читать западную литературу по экономике, и главное – работать «по гамбургскому счету». В Институте мировой экономики и международных отношений АН СССР (ИМЭМО) Энтов руководил сектором, состоявшим из молодых людей, которые соответствовали всем этим критериям и к тому же еще умели жить со вкусом (что РМЭ тоже очень поощрял). Не только сложнейшие семинары, доступные лишь избранным, но и капустники, вечеринки, совместные походы, были отличительной чертой сектора Энтova. Сам Энтов — человек знаточеской культуры, с разнообразными и нетривиальными научными и эстетическими интересами, и ему удалось собрать вокруг себя интеллигентных и образованных молодых людей, а Андрей, по общему признанию, был центром этой компании. В гости и на всевозможные школы молодых ученых он приезжал всегда с гитарой, прекрасно танцевал, с университетских времен руководил английским театром на экономфаке и потому ставил капустники в ИМЭМО. Легкости бытия, впрочем, не было, среда была высоко конкурентной, приходилось все время держать удар. Сектор Энтova (официально именовавшийся сектором анализа экономических циклов) состоял из исключительно профессиональных для того времени сотрудников, отличавшихся очень высокой самооценкой. Думаю, именно в секторе Энтova Андрей получил прививку истинной академической культуры, предполагающей не только глубочайшее уважение к коллегам, но и особое умение проявлять его в самых разных обстоятельствах: внимательно читая, тщательно выправляя, вдумчиво, со всей ответственностью и чуткостью рецензируя их тексты; не забывая сослаться на их труды и выразить им признательность в собственных работах, посещая их выступления и участвуя в торжествах, связанных с событиями их жизни.

В секторе Энтova Андрея Полетаева поначалу больше всего ценили за статистические компетенции и умение строить модели. Статистиком он был отличным, занимался статистическими исследованиями до конца жизни (Всемирный банк, ЮНЕСКО, Бюро экономического анализа, РЕСЕР). У него была своя табель о рангах для наших статистиков: очень

немногих он ценил, а очень многим совершенно не доверял и объяснял мне почему. Я много наблюдала за тем, как он работает со статистикой, и меня поражало его совершенно не техническое отношение к цифрам. Он видел все нестыковки, «дыры», как он выражался, пытался понять, какие сбои в сборе данных стоят за этими пробелами, какие именно искажения они вызывают. На мой взгляд, со статистикой он работал как настоящий историк (критика источника, вопрошание источника, извлечение не прямой информации), но при этом умел считать.

В те же годы обнаружили и другие прикладные способности Андрея Полетаева. Он известен как великолепный редактор и хороший переводчик (участвовал в создании русскоязычных версий сочинений ведущих западных экономистов – В. Леонтьева, Дж. Хикса, Дж. Кларка и др.). Эта работа началась во многом из-за необходимости подрабатывать, но и из желания сделать доступными соотечественникам труды экономистов-классиков. И вот что показательно. Получив первую статью на редактирование в журнале «МЭиМО», он прежде всего изучил знаменитый справочник Д.Э. Розенталя («Справочник по правописанию и литературной правке для работников печати»). И впоследствии, возмущаясь чьей-нибудь небрежной редакторской работой, всегда говорил: «Если бы вы изучили этот учебник, вы бы такого не допустили»...

Завершить описание этого периода, исходя из наших академических маркеров, стоит защитой кандидатской диссертации в 1980 г. Выйти на защиту у Энтова было непросто – он мариновал своих аспирантов лет по десять. Андрей был первым из сотрудников сектора, кто защитился, хотя не был самым старшим. Его коллеги говорят, что и в диссертации («Циклические колебания издержек и прибыли в обрабатывающей промышленности США в послевоенный период»), и в сделанной по ней книге² виден особый творческий почерк: четкая постановка проблемы, стремление опираться на факты, качественная обработка статистики, умение задавать вопросы источнику и убедительный анализ.

В целом, к середине 1980-х Андрей Полетаев стал профессиональным экономистом, хорошо ориентировался в западной экономической теории, умел работать со сложными статистическими данными и программами. Однако наука (в то время – экономика и статистика) еще не поглощала его целиком, не стала для него образом жизни. Андрей (Энди, как все называли его в то время) жил очень разными интересами, его разнообразные таланты этому способствовали.

---

² Полетаев 1985.

Таким образом, первые 20 лет своей жизни Андрей был экономистом, затем примерно столько же он занимался историей и социологией исторического знания, а между ними существует и накладывается на них некая переходная полоса – экономическая история. Попробую описать и объяснить этот переход исторически, т.е. на уровне событий.

Сектор Энтова, в котором Андрей работал, занимался теорией циклов и кризисов, но циклы – вещь протяженная во времени, и, если работать с длинными рядами, то от теории циклов естественно обратиться к их истории. С самого начала Андрей выбрал тему нормы прибыли. С середины 1980-х гг. он начал ездить в ведущие научные центры США. IREX (International Research & Exchanges Board), организовывавший эти обмены, сыграл огромную роль в трансфере научного знания из США в советское академическое сообщество. Ездили единицы, но зато, если ученый, прорвавшийся в Штаты, знал работы лучших представителей своей области (а именно такие работы мы и знали, что, кстати, существенно завывало наше представление о среднем уровне тамошней науки), то ему «по запросу» устраивали встречу практически с любым корифеем. В двухмесячной стажировке в 1986 г. Андрей уже встречался не только с видными экономистами, но и с известным экономическим историком Стенли Энгерманом, достославным создателем Индекса цитирования научных статей Юджином Гарфилдом, знаменитым социологом Иммануэлем Валлерстайном.

Докторскую диссертацию «Механизм движения капиталистической прибыли (анализ долгосрочных тенденций)» Андрей Полетаев защитил в 1988 г. Из тематики понятно, что как экономиста его интересовали уже временные периоды большой протяженности. Всего он опубликовал более 300 исследований, и около 100 из них – по экономике, причем примерно 80 работ написаны до 1990 г.

Дальше, думаю, стимулом к «историческому повороту» стало наше знакомство и поиск совместных научных тем (мы познакомились 11 января 1978 г. в ИСКАНе на совещании председателей Советов молодых ученых институтов АН СССР). Общий интерес оказался связанным с теорией циклов Кондратьева. Работая у Энтова в Секторе анализа экономических циклов, Андрей хорошо знал опубликованные в 1920-е гг. работы русского экономиста Николая Кондратьева. Еще в 1980-е гг. он стал писать о кондратьевских циклах, работать с длинными рядами цен, прибыли, особенно на материале английской статистики. Я «пришла к Кондратьеву» благодаря сотрудничеству ИМРД РАН, где я тогда работала, с Центром Иммануэля Валлерстайна (the Fernand Braudel Center for the Study of Economies, Historical Systems and Civilization at Binghamton

University in New York). Надо сказать, что «кондратьевские циклы» были необыкновенно популярны на Западе в 1970–1980-е гг.

Репрессированный по сфабрикованному делу о «Трудовой крестьянской партии» и расстрелянный в 1938 г. Кондратьев был в то время персоной, в советской литературе не упоминаемой, но уже в 1987-м мы опубликовали о нем статью³, т.е. она была, если не «в столе», то в головах. Вот с этого момента Андрей начал быстро приближаться к экономической истории. В 1989 г., защитив докторскую диссертацию, он создал «Сектор эволюции рыночной экономики» (мы называли его между собой, по аналогии с Центром Валлерстайна, сектором Броделя), и занимались там уже экономической историей. В 1989 г. вышла его статья «Клиометрика – новая экономическая история – историческая экономика»⁴, первая в СССР статья, связывающая экономическую историю с исторической экономикой. В советской историографии 1970–1980-х гг. экономическая история была, может быть, самым соотносимым с мировой наукой направлением. И наименее идеологизированным, хотя, конечно, совершенно марксистским (я говорю без негативных коннотаций, значительная часть западной историографии 60–70 гг. была марксистской). Основоположником советской клиометрической школы был И.Д. Ковальченко, другим ярким экономическим историком – В.И. Бовыкин. Ковальченко и Бовыкину наследовал (в т.ч. и в занятии ряда международных постов) Л.И. Бородкин, руководитель Центра экономической истории истфака МГУ, зав. кафедрой исторической информатики. Андрей Полетаев уже в конце 80-х хорошо был знаком с Бородкиным, а потом и подружился с ним, входил в Центр экономической истории, публиковался в ежегоднике «Экономическая история». Исследования Бовыкина и Бородкина он всегда оценивал высоко, чего не могу сказать о работах некоторых других экономических и социальных историков, в которых Андрея не удовлетворяли ни уровень обработки статистики, ни модели, ни концепции. Соответственно, и результаты таких исследований он считал бессмысленными. В США экономической историей занимаются преимущественно экономисты, и она намного более формализована, а в Европе – историки. Андрей в большей мере представлял американский путь и этим был интересен. Кроме того, мало кто из наших историков занимался западной экономической историей, и мало кто из них мог корректно работать с такими длинными рядами и массивами данных, как Андрей.

---

³ Полетаев, Савельева 1988.

⁴ Полетаев 1989.

Клиометрика была необыкновенно популярна в 1970-е гг., а затем с ней произошло то, что происходит с любым научным новшеством после полосы обольщений: границы зоны их эвристической эффективности приходят в соответствие с их эвристической эффективностью. Клиометрические исследования в историографии постепенно заняли весьма достойную, но все же нишу. Так получилось, что и в научной биографии Андрея-историка они стали важным, но не магистральным направлением.

В 1993 г. вышла наша книга о циклах Кондратьева⁵. В основном она представляла анализ экономических циклов, но частично в ней затрагивались циклы политические, идеологические, а главное – от структур экономического времени мы вполне естественно вышли на категорию исторического времени, т.е. на тему следующей книги (это я реконструирую, конечно, уже *post factum*). В более общем смысле для Андрея занятия теорией циклов Кондратьева стали «переключателем» с экономической истории на историю социального знания. Мы ведь к длинным циклам отнесли в этой книге достаточно критически, показав, в отличие от большинства западных и отечественных адептов Кондратьева, что речь идет не об открытии устройства мира (развития капитализма), а о создании еще одной интересной модели, позволяющей что-то в этом мире объяснить. Когда книга вышла, я поехала в магазин Академкнига на ул. Вавилова к открытию, чтобы получить авторские экземпляры (тогда давали 10, а в продажу поступило 50). У входа стояла приличная очередь – и, к моему удивлению, все эти покупатели бросились за книгой о Кондратьеве. Выданные мне без очереди экземпляры многих из них оставили без покупки. Кстати, в 2009 г. нам предложили эту книгу переиздать. Сначала показалось, что не стоит без переработки (а заниматься ею времени не было) издавать работу, написанную в 1993 г., но перечитали внимательно и поняли, что она отнюдь не устарела⁶.

С конца 1990-х гг. Андрей считал себя историком (и именно так с тех пор определял свою профессию во всех анкетах). Он делал проекты по статистике образования, по экономической статистике, время от времени он писал статьи по экономической истории⁷. Несколько лет подходил к тому, чтобы сделать полную экономическую статистику (Нацио-

---

⁵ Полетаев, Савельева 1993.

⁶ Полетаев, Савельева 2009.

⁷ Например, основанная на статистическом материале статья про экономику Канада 1990-х (Полетаев 2007), ее главная идея сводилась к тому, что система советской экономики, хотя и была плохая, но вся как бы сцепленная – начали вынимать связи, и все рухнуло; или статья по сравнительной экономической истории: *Poletayev* 2008.

нальные счета) Советского Союза и России с 1946 г. до наших дней. Сначала думал, что найдет нормальные деньги на этот проект, создаст группу, чтобы проанализировать ежегодные справочники, отчеты, восстановить цифры из региональных справочных изданий, перевести, как он выражался, нашу статистику на вменяемый язык. Ведь отдельные данные по свекле, яйцам, шуропам ничего не говорят. Чтобы понять взлеты и провалы в рядах, надо использовать самые разные методики. Но денег так и не нашел. В 2010 г., после того, как мы одновременно сдали три книги и решили передохнуть, он взялся за эту работу сам и последние полгода каждую неделю ездил в ИНИОН, делал ксероксы со справочников Госкомстата, а потом набивал и набивал статистические ряды, приводя их во «вменяемое состояние». В мае уже дошел до финансов и внешней торговли; по другим показателям в поисках недостающего перешел от ежегодников к региональным справочникам. Летом 2010 г. в Москве было очень жарко и дымно, думать было трудно, но он продолжал работать.

К уходу Андрея из экономической профессии и коллеги, и руководство, и друзья-экономисты отнеслись плохо (кроме Эптова и, может быть, В. Автономова). Часть из них потом поняла масштаб того, что он сделал за пределами экономического поля, а часть это в принципе понять не может, просто в силу другого образования и интересов. Андрей совершил, конечно, совершенно непредсказуемый поворот, и суть этого поворота прекрасно выразили наши младшие друзья Е. Вишленкова и А. Дмитриев в статье, посвященной Андрею: «Главная уникальная особенность его творческого пути – превращение талантливого экономиста в социального ученого и блестящего гуманитария, когда большинство выбирало путь прямо противоположный. Но за этой красивой итоговой строчкой стоит способность к личному выбору, стремление шагнуть наперекор массовому потоку. Не будем забывать – это была еще и немалая драма целой когорты ученых в тот момент, когда их профессиональные качества оказались “сверхвостребованы” новым социальным запросом, – и сколько способных и одаренных предпочло новообретенную успешную и предсказуемую деловую карьеру прежней, еще отчасти престижной, но все же вмиг потускневшей ученой стезе. В начале 1920-х Осип Манделштам, по итогам всеевропейского социального переворота, начатого еще со злополучных выстрелов в Сараево, очень точно писал о своих современниках, которые оказались в новой реальности “выброшены из своих биографий, как шары из бильярдных луз”. Тем более ответственным и осознанным было собственное, а не внешне обусловленное желание Андрея Полетаева выйти из плотной сферы и предсказуемой траектории, где тебя держат

уже признанная репутация и заслуги, в рискованную и не избалованную внешним вниманием “разреженную” среду теоретической истории, Высокой Теории вообще»⁸. Но хочу подчеркнуть, что переход Андрея к истории, а тем более трансформация в ученого широкого профиля, были замечены не в начале 1990-х, а позднее – в 1997 г. Книгу о Кондратьеве воспринимали как в значительной мере экономическую, и ее части, написанные Андреем и мной, там были вполне различимы.

С 1991 по 1994 г. мы издавали журнал «THESIS»⁹, Андрей Полетаев был главным редактором. В этом журнале было три блока: экономическая теория, теоретическая социология и социальная история. В Редакколлегию журнала входили крупнейшие ученые мира, из экономистов были нобелевские лауреаты (а некоторые стали ими впоследствии, что свидетельствовало о точности нашего выбора☺). Журнал был нарахват¹⁰. Однако, когда мы издавали «THESIS», на создание собственных текстов времени у нас не было, что и стало главной причиной отказа от продолжения издания журнала. Мы его закрыли в конце 1994 г. и два года писали книгу «История и время: в поисках утраченного»¹¹. Вот она и стала бомбой, причем не только для экономистов, но и для историков. Нас в этой книге специально интересовал вопрос о *времени историка* и о понимании прошлого историком, поскольку мы определили историю как научное знание о прошлой социальной реальности. Сначала мы дали читать рукопись Л.П. Репиной и Ю.Л. Бессмертному, которые высоко ее оценили, и с тех пор у нас с ними сложились не просто профессиональные отношения, а отношения признания. Еще в рукописи книгу прочитали и другие наши коллеги, перешедшие впоследствии в разряд друзей: социолог Борис Дубин, филолог Татьяна Венедиктова и философ Надежда Маньковская. На эту книгу опубликовано тринадцать рецензий, и лучшая, на наш взгляд, была написана Борисом Дубиным.

Затем пять лет (1997–2002) было отдано программе «Translation Project». Это была программа, инициированная Джорджем Соросом на всем постсоциалистическом пространстве Европы, я руководила ею в России. Мы с Андреем и друзьями-коллегами организовали перевод и издание более 400 фундаментальных западных трудов по 14 социаль-

---

⁸ Вишленкова, Дмитриев 2010. С. 183.

⁹ См.: <http://igiti.hse.ru/thesis/>

¹⁰ Коллега из Адыгейского госуниверситета в Майкопе Л.Р. Хуг, с которой я познакомилась уже в 2000-е гг., говорила, что им из Москвы привозили даже не ксероксы, а конспекты(!) очередного номера «THESIS».

¹¹ Савельева Полетаев 1997.

ным и гуманитарным дисциплинам, с хорошо налаженной экспертизой переводов. В переводном проекте участвовало 63 издательства, около 400 переводчиков и научных редакторов, примерно 200 экспертов по переводам (между этими категориями было много пересечений). Среди изданных книг: 125 – по философии, 74 – по истории, 34 – по экономической теории и истории, 38 – по филологии, лингвистике, семиотике, 12 – по психологии и т.д. Была освоена и фундаментальная литература по дисциплинам, которые отсутствовали в СССР. Например, в рамках проекта перевели 23 фундаментальные работы по социальной и культурной антропологии (Марселя Мосса, Бронислава Малиновского, Клода Леви-Стросса, Рут Бенедикт и др.); 15 трудов по теологии и религиоведению – от четырехтомной «Суммы против язычников» Фомы Аквинского до современных сочинений Иена Барбура и Ганса Кюннга¹².

В те же годы главным делом Андрея была работа над фундаментальной монографией «Знание о прошлом»¹³. Этот труд был бы невозможен без опыта издания журнала «THESIS» и «Translation project». Журнал, где публиковались переводы ключевых статей крупнейших западных экономистов, социологов и историков, дал нам необходимый междисциплинарный горизонт, а руководя проектом, мы приобщились к культурной антропологии, семиотике, аналитической философии, теологии. И мы вышли из этой «шинели» совершенно другими людьми, с новыми обретенными знаниями и преображенным научным кругозором¹⁴.

Часто все знания о прошлом называют историческими, подразумевая, что их производят историки. На самом деле это не так. Начало нашим размышлениям о том, как устроено знание о прошлом, было положено в книге «История и время». Там мы пытались определить место истории в пространстве социальных наук, исследуя категорию времени в исторических исследованиях. Трактую современное историческое знание как научное, мы, тем не менее, обращали внимание на его гораздо менее формализованный характер, почти полное отсутствие самостоятельных исторических теорий и активное заимствование концепций и методов у других социальных и гуманитарных наук, элементы интуиции и игры, присущие многим историческим сочинениям. Тогда мы по существу от-

---

¹² Списки переведенных работ см.: на сайте: <http://igiti.hse.ru/Editions/TP>.

¹³ Савельева, Полетаев 2003, 2006.

¹⁴ Когда я читаю студентам лекцию о формах знания о прошлом, я показываю им эти два тома и говорю: «А сейчас я вам за полтора часа объясню, о чем написано в этой книге», – и улыбаюсь. Самый короткий вариант изложения нашей концепции – в статье: Савельева, Полетаев 2005. С. 12–66, но все равно это большой текст.

ставили тезис, что с конца XIX в. история складывается как специализированное научное знание о *прошлой* социальной реальности, т.е. отличается от других социальных наук не столько по предмету и методу, сколько по *критерию времени*. Однако многие вопросы оставались без ответа. Как на протяжении более двух тысячелетий менялись значения и смыслы понятия «история»? Почему история все время переписывается? Почему параллельно существуют разные версии прошлого, даже на основе одних и тех же источников? Почему содержание исторической науки так волнует власть, общественность, отдельные социальные группы?

Ответ на вопрос: что такое история, пришел, когда мы вышли за пределы анализа научного знания и попытались разобраться, как и какое знание о прошлом конструируется в других символических универсумах. Мы попытались продемонстрировать, как именно прошлая социальная реальность конструируется в разных типах знания. В качестве объектов анализа были выделены архаичное знание, религию, философию, идеологию, общественно-научное и обыденное (массовое) знание, по каждому из них написана отдельная большая глава. Предложенный нами подход к анализу знания о прошлом базируется на использовании и развитии концепций, разработанных в рамках социологии знания (М. Шелер К. Манхейм, Т. Знанецкий, Р. Мёртон, А. Шюц, П. Бергер и Т. Лукман, Д. Блур, Б. Барнс, К. Кнорр-Цетина), которая оказалась эффективным теоретическим инструментом для осуществления задуманного нами анализа. Раскрытию базовых понятий «история», «социальная реальность», «знание», «прошлое» и исследованию их эволюции посвящены отдельные главы. И, конечно, нас интересовало, в первую очередь, научное историческое знание, поэтому примерно половина двухтомника – об исторической науке.

Поддавшись нетерпению, первый том мы издали за три года до выхода второго и, уже работая над вторым, поняли, что композиция книги должна была быть иной. Поэтому, воспользовавшись известной таблицей Кортасара, вкладывали в экземпляры, которые презентовали друзьям и коллегам, шутивное руководство о порядке чтения.

Таблица для руководства

Эта книга в некотором роде – много книг, но прежде всего это две книги. Читателю представляется право выбирать одну из двух возможностей.

1. Книга читается обычным образом.

2. Книгу нужно читать в особом порядке по приведенной таблице:

1а) Т. 1, гл. 3, 5, 2, 4.

1б) Т. 2, гл. 13–17.

1а) Т. 1, гл. 1, 6–8.

1б) Т. 1, гл. 9–12.

1с) Т. 2, гл. 19–21.

Главу 18 из 2-го тома можно вообще не читать, поскольку она входит в третий том, который будет издан в свое время.

Писано на русском Ириной Савельевой и Андреем Полетаевым с приведением цитат.

С разрешения. Москва, 2006.

С тех пор уже десять лет «формы знания о прошлом» – одна из главных тем Института гуманитарных историко-теоретических исследований (ИГИТИ), ее в разных направлениях развивают наши последователи и ученики. Хотя этой темой теперь занимаются многие историки в разных городах и странах, хорошо, что удалось создать свой институт!

В 2002 г. нам предложили создать в Высшей школе экономики небольшой научный центр. Андрей сначала был против. Во-первых, он считал, что главное – писать книги, а институт отвлек бы нас от научной работы, а, во-вторых, не верил, что гуманитарный институт в ВШЭ, где тогда доминировали экономисты, может иметь перспективу. Денег нам дали только на год. Но Ярослав Кузьминов, как мне кажется, в глубине души человек гуманитарный. К нам он стал относиться как к маленькой, но важной структуре, и вопросы стали решаться. Деньги выделили под систему гуманитарных факультативов, которые мы с тех пор и читаем для всех студентов ВШЭ, а последние годы и для внешних слушателей.

Работая над книгой «Знание о прошлом», Андрей все глубже забирался в устройство исторического знания, и естественно вышел на социологию знания. К этому времени Андрей был готов к быстрому освоению социологической теории, как, впрочем, и блоков из многих других дисциплин: психологии, семиотики, лингвистики, аналитической философии. Несколько лет назад в интервью, данном мной Марине Пугачевой для издания «Социологическое обозрение», я заметила, что в последние десять лет жизни Андрей «ощущал себя социологом». Слова «ощущал себя» совершенно точные, потому что, мне кажется, коллеги-социологи не задумывались о его принадлежности к своему цеху, но его собственная самооценка, я думаю, была оправдана. В книге «Знание о прошлом» были развернутые многоуровневые сугубо социологические главы о социальной реальности (по Парсонсу), о знании и собственно блок глав о формах знания о прошлом. Книга об американцах, которые знают историю, ввела Андрея в мир практической социологии (опросы и работа с ними). И, наконец, в последних двух книгах о классике Андрей представил оригинальное теоретическое исследование, предметом которого стал статус классики в социальных науках¹⁵.

---

¹⁵ Классика и классики... 2009; Савельева, Полетаев 2010.

Книга «Социальные представления о прошлом, или Знают ли американцы историю»¹⁶ возникла непреднамеренно. Когда мы задумывали «Знание о прошлом», то в замысле был даже не двухтомник, а трехтомник. И третий том должен был быть полностью посвящен обыденному знанию о прошлом (механизмам формирования, типам, образам, исторической памяти и пр.). Но мы, конечно, выдохлись и ограничились двумя главами на эту тему во втором томе. В 2005 г. я сидела весной в Париже, работала с группой коллег по предложенному нами проекту (Maison des Sciences de l'Homme, Paris, Columbia University Institute for scholars at Reid Hall, Paris, «Forms of Knowledge of the Past – Les formes de la connaissance du passé – Формы знания о прошлом») и готовила для семинара доклад о формировании массовых представлений о прошлом. Андрей предложил прислать мне какую-нибудь американскую статистику о том, что американцы знают про историю. Он залез в данные Гэллапа, Хэрисса и др., ему стало страшно интересно, в итоге летом он докопал их до конца, и осенью мы начали монографию про американцев, которую через год закончили. Результаты были для нас совершенно неожиданными.

Исходными для нас были следующие вопросы: во-первых, насколько представления элиты о важности исторического знания разделяются широкими слоями населения? Во-вторых, и это ключевой вопрос – для чего вообще нужны знания о прошлом? Отсюда третий вопрос: что именно должны знать широкие массы о прошлом (если не даты и факты)? Этот вопрос, в свою очередь, связан с пониманием того, для чего они должны это знать. Гипотетически можно предположить, что незнание дат и конкретных исторических фактов вполне может сосуществовать с наличием функциональных знаний об устройстве социального мира, его историческом развитии и, соответственно, о «времениположении настоящего». Если гипотеза верна, то отсюда следует гораздо большая, чем принято считать, познавательная значимость как школьного общественно-научного образования в целом, и исторического – в частности, так и важность всех других источников знания о прошлом. Для проверки этой гипотезы мы обратились к материалам, в которых фиксируются данные о содержании представлений о прошлом в разных странах, а именно, к социологическим опросам. На первый взгляд, и сами опросы, и полученные в них результаты показались нам довольно тривиальными. Но оставалось ощущение, что в этих результатах все-таки что-то есть помимо набора банальностей. В итоге некоторых размышлений мы

---

¹⁶ Савельева, Полетаев 2008.

пришли к выводу, что надо попытаться взглянуть на эти данные в ином ракурсе. Мы занялись результатами опросов более плотно с целью найти в них ответы на свои вопросы. В качестве объекта исследования мы выбрали США по ряду причин: во-первых, информация о результатах опросов в США более доступна; во-вторых, подобные опросы там начались раньше и проводятся более качественно и интенсивно; в-третьих, мы все-таки изначально были американистами; в-четвертых, массовые представления в Америке в последние десятилетия отличались большой устойчивостью, и поэтому их легче интерпретировать. Анализируя данные социологических опросов, мы пытались выявить, в первую очередь, своего рода каркас исторических представлений, их общие характеристики и просматривающиеся за этими знаниями ценностные, идеологические, религиозные ориентиры. Иными словами, объектом нашего интереса были общие представления об истории, точнее, об историческом процессе. Но попутно выяснилось, что и конкретные знания американцев о прошлом совсем не так плохи, как это часто изображается.

Отдав предпочтение опросам общественного мнения, мы попытались свести воедино разрозненные данные различных социологических опросов: результаты нескольких специальных обследований, проводившихся в 1990-е гг. (в частности, в 1999 г., в преддверии конца века и тысячелетия), а также несколько сотен отдельных вопросов, включавшихся в американские социологические обследования преимущественно в последние 15 лет. В ряде случаев удалось сравнить данные последних лет с более ранними опросами, вплоть до первых послевоенных лет, но таких возможностей немного, так как интерес социологов к исторической проблематике активизировался лишь в 1990-е гг. Понятно, что в этой книге главное – материалы, собранные по опросам общественного мнения (ведь специальных опросов, которые проводились бы именно с целью выявления исторических знаний, очень мало, и приходилось выискивать отдельные вопросы буквально по одному-два в опросах на самые разные темы), их осмысление и обработка. Конечно, все это делал Андрей, а я говорила, что пишу тексты к таблицам, потому что гуманитарии таблицы не то что читать не умеют, но в большинстве своем на них даже не глядят.

В целом у Андрея после его переключения на теоретико-исторические исследования существовала проблема профессиональной идентичности, и он это переживал. Экономисты продолжали считать его экономистом и разводили руками по поводу его отхода от профессии; историки его признавали де факто: нас очень много публиковали в хороших изданиях, приглашали на конференции и семинары и пр., учили

по нашим книгам, но все-таки явно или неявно упрекали в том, что мы – не практикующие историки (не работаем в архивах). Признание у социологов было только на точечном уровне (отдельные и очень немногие). Науковеды и библиометры его признали своим сразу, но у них нет таких жестких дисциплинарных границ – они сами из разных профессий.

Теперь, когда вместе с Е. Вишленковой мы сделали книгу о профессорской корпорации, а с А. Дмитриевым – о генезисе дисциплинарного поля в науках о человеке¹⁷, я знаю, что пересечь дисциплинарные барьеры в когнитивном поле намного проще, чем в институциональном. Научные профессиональные сообщества защищают себя с помощью жестко проведенных границ, подразумевающих, помимо многого другого, и систему дисциплинарной сертификации и «историю в корпорации». Но тогда Андрей это проходил на собственном опыте.

Тем временем гуманитаризация ВШЭ шла довольно быстро, постепенно сотрудники ИГИТИ стали во главе разных гуманитарных структур в ВШЭ: А.М. Руткевич создал факультет философии (с отделениями востоковедения и культурологии); а А.Ф. Филиппов стал заведовать там кафедрой; А.Б. Каменский стал деканом факультета истории. Утратив монополию на производство и оценку гуманитарного знания, мы приобрели в университете высокопрофессиональную критическую среду, возможность готовить учеников и поддержку своих занятий фундаментальной наукой. Но для нас с Андреем начался период, когда первоначальная команда – А. Руткевич, А. Филиппов, Л. Репина, М. Андреев – люди яркие и независимые, стали расходиться по своим институциональным и интеллектуальным тропам. И мы из «главных» остались вдвоем, тянули институт на себе, что нам не очень нравилось. Но выросли в ИГИТИ или пришли новые люди, молодые, талантливые и подвижнически настроенные – Ю. Иванова, Б. Степанов, Н. Самутина, Е. Вишленкова, А. Дмитриев. Когда Андрея не стало, они удивительные слова о нем написали, совсем не ритуальные. Я здесь процитирую только Н. Самутину, которая раскрыла еще одну особенность Андрея, важную для понимания его облика: «Андрей Владимирович был одним из самых талантливых, самых темпераментных участников тайного международного сообщества наблюдателей абсурда бытия. Никакая усталость, никакой цейтнот не могли удержать его от того, чтобы, шурясь сквозь сигаретный дым, во всех риторических подробностях разобрать с кем-нибудь из благодарных соучастников непостижимые человеческим рассудком обстоятельства

---

¹⁷ Сословие русских профессоров... 2013; Науки о человеке... 2015.

появления пятого параграфа тринадцатого подпункта в восьмом приложении к документу X. Но, в отличие от многих членов этого сообщества, чье чувство юмора остается беззубым, он всегда находил силы, время, он чувствовал себя ответственным за то, чтобы давать абсурду бой везде, где это могло оказаться важным».

С 2010 г. ИГИТИ носит имя Андрея Полетаева.

Меня часто спрашивают, как мы писали вместе. Обычно в гуманитарных и социальных науках соавторство – это разделение труда. Один читает литературу на английском, другой – может читать на немецком, один знает XVIII век, другой – XIX, один больше сидит в архивах, другой обобщает, один считает, другой анализирует и т.д. Конечно, совместному труду предшествует выработка концепции, гипотезы, плана композиции и сопутствует обсуждение результатов, а дальше большая часть работы выполняется автономно, периодически осуществляется «сверка часов», а затем – «сборка деталей», творческая или механическая.

У нас, конечно, разделение труда тоже присутствовало, но не в нем было дело. Мы *изо дня в день* думали вместе, и возникало удивительное поле интеллектуального и эмоционального напряжения. Острота процесса была совсем другая: мысль в тонусе, темп – как жонглеры. Уставали, конечно, ужасно. Естественно, с разными книгами и статьями модусы работы у нас были разные. Например, в работе «Циклы Кондратьева и развитие капитализма» очень легко показать, что писал Андрей (все про экономические циклы), а что писала я, но были и общие главы. Но главное – в ней не было ни одной значительной части, которую мы бы не обсуждали, не редактировали вместе или не вторгались со своими фрагментами. Андрей тогда смеялся: мол, Ира пишет в каждой главе первые и последние страницы. «Историю и время» мы очень часто писали, сидя за одним компьютером, и ее большая часть написана буквально в четыре руки – как пишут в партитурах, *crescendo*, *accelerando*. Вот тогда мы достигли этого удивительного состояния, когда от совместного размышления возникает огромная энергетическая сила, которая усиливает во много раз способность думать. Особенно хорошо вдвоем придумывать. Открываю *Введение* к этой книге и не только помню, кто какие три строчки написал, но даже как от этих строчек другой перехватывал мысль. Потом было много книг, и у каждой своя история, но такой больше не было.

Наши близкие друзья пытались угадать, кто что писал в этой книге. Практически все ошибались. А как-то одна наша общая знакомая высказала предположение, что все яркие части, наверно, писал Андрей, а сухие – я. «Ведь когда он выступает, он такой эмоциональный, а вы – сдержан-

ная». На самом деле все наоборот: на письме я эмоциональна, а у Андрея очень жесткая и сухая структура фразы. Его и редактировать поэтому неплодотворно: все слова расположены на правильных местах, но много одинаковых (только и остается подбирать синонимы). А если поломать его фразу, за которой стоит совершенно точная мысль, следующее предложение начинает «плыть». Ну и везде, где в наших книгах есть таблицы и статистика, понятно, что это делал Андрей. И самые скучные темы (вроде календарей и хронологии) он, как истинный джентльмен, брал на себя. Но и полюс иронии – поле Андрея. А уж подбор эпитафий!

«Красную книгу» «Знание о прошлом...» мы придумали вместе, но писали многие части поодиночке. Точно могу показать, какие писал Андрей, какие – я, а какие писались вдвоем. Монография «Классика и классики в социальном и гуманитарном знании» готовилась как коллективная, но поскольку другие авторы слишком долго писали свои главы, мы за это время прочитали и сочинили столько, что, решив не занимать много места своими текстами в коллективном издании, сделали отдельную книгу «Классическое наследие». Тогда это название показалось удачной находкой. Мы очень веселились, представляя, как будет выглядеть переплет: Ирина Савельева, Андрей Полетаев, «Классическое наследие». Книга появилась в продаже в сентябре 2010 г., и для тех, кто знал Андрея, слово «наследие» приобрело не иронический, а прямой смысл. В 2011 г. мы с друзьями и коллегами подготовили из разных трудов Андрея Nachlaßausgabe «Неклассическое наследие. Андрей Полетаев».

Как точно написали мои друзья, сотни людей, пришедших на похороны Андрея в сентябре 2010 г., принадлежали к разным цехам науки и «весьма фрагментарно понимали сущность вклада Андрея Полетаева в развитие других дисциплин. Но все сознавали, что потеряли уникального ученого, который в силу широчайшей эрудиции и причастности к разным исследовательским сообществам мог браться за изучение пограничных тем и ставить научные проблемы там, где их еще никто не видел»¹⁸. Ему было всего 58 лет.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Вишленкова Е.А., Дмитриев А.Н. Настоящее совершенное: время Андрея Полетаева // Новое литературное обозрение. 2010. № 106. С. 182-186.
- Классика и классики в социальном и гуманитарном знании / под ред. И.М. Савельевой, А.В. Полетаева. М.: Новое литературное обозрение, 2009.
- Науки о человеке: история дисциплин / под ред. А.Н. Дмитриева, И.М. Савельевой. М.: ИД ВШЭ, 2015.

---

¹⁸ Вишленкова, Дмитриев 2010. С. 182.

- Поletaев А.В.* Прибыль американских корпораций (особенности послевоенной динамики). М.: Наука, 1985.
- Поletaев А.В., Савельева И.М.* Длинные волны в развитии капитализма // Мировая экономика и международные отношения. 1988. № 5. С. 71–86.
- Поletaев А.В.* Клиометрика – новая экономическая история – историческая экономика Истоки: вопросы истории народного хозяйства и экономической мысли. Вып. 1. М.: Экономика, 1989. С. 37–54.
- Поletaев А.В.* Экономическое развитие СССР в 1980-е годы: Очерки политэкономии социализма // Экономическая история. 2007. М.: РОССПЭН, 2008. С. 486–510.
- Поletaев А.В., Савельева И.М.* «Циклы Кондратьева» и развитие капитализма (опыт междисциплинарного исследования). М.: Наука, 1993.
- Поletaев А.В., Савельева И.М.* «Циклы Кондратьева» в исторической ретроспективе. 2-е испр. изд. М.: Юстицинформ, 2009.
- Савельева И.М.* В последние десять лет Андрей в значительной мере ощущал себя социологом // Докторов Б. Современная российская социология: Историко-биографические поиски. 2015.
- Савельева И.М.* Андрей Поletaев: интервью как опыт научной биографии // Логос. 2015. N 1. С. 226–288.
- Савельева И.М., Поletaев А.В.* История и время: в поисках утраченного. М.: Языки русской культуры. 1997.
- Савельева И.М., Поletaев А.В.* Знание о прошлом: теория и история. В 2-х тт. Т. 1: Конструирование прошлого. Т. 2: Образы прошлого. М.: Наука, 2003, 2006.
- Савельева И.М., Поletaев А.В.* Типы знания о прошлом // Феномен прошлого / под ред. И.М. Савельевой, А.В. Поletaева. М.: ГУ-ВШЭ, 2005. С. 12–66.
- Савельева И.М., Поletaев А.В.* Социальные представления о прошлом, или Знают ли американцы историю. М.: НЛЮ, 2008.
- Савельева И.М., Поletaев А.В.* Классическое наследие. М.: ИД ГУ–ВШЭ, 2010.
- Сословие русских профессоров. Создатели статусов и смыслов / под ред. Е.А. Вишленковой, И.М. Савельевой. М.: ИД ВШЭ, 2013.
- Poletaev A.V.* Gross Domestic Product of the Russian Federation in Comparison with the United States, 1960–2004 // Scandinavian Economic History Review. April 2008. Vol. 56. No. 1. P. 41–70.

REFERENCES

- Vishlenkova E.A., Dmitriev A.N. Nastoyashchee sovershennoe: vremya Andrey a Poletaeva // Novoe literaturnoe obozrenie. 2010. № 106. S. 182–186.
- Klassika i klassiki v sotsial'nom i gumanitarnom znanii / pod red. I.M. Savel'voi, A.V. Poletaeva. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2009.
- Nauki o cheloveke: istoriya distsiplin / pod red. A.N. Dmitrieva, I.M. Savel'voi. M.: ID VShE, 2015.
- Poletaev A.V. Pribyl' amerikanskikh korporatsii (osobennosti poslevoennoi dinamiki). M.: Nauka, 1985.
- Poletaev A.V., Savel'eva I.M. Dlinnye volny v razviti kapitalizma // Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya. 1988. № 5. S. 71–86.
- Poletaev A.V. Kliometrika – novaya ekonomicheskaya istoriya – istoricheskaya ekonomika Istoki: voprosy istorii narodnogo khozyaistva i ekonomicheskoi mysli. Vyp. 1. M.: Ekonomika, 1989. S. 37–54.

- Poletaev A.V. Ekonomicheskoe razvitiye SSSR v 1980-e gody: Ocherki politekonomiki sotsializma // Ekonomicheskaya istoriya. 2007. M.: ROSSPEN, 2008. S. 486–510.
- Poletaev A.V., Savel'eva I.M. «Tsikly Kondrat'eva» i razvitiye kapitalizma (opyt mezhdistsiplinarnogo issledovaniya). M.: Nauka, 1993.
- Poletaev A.V., Savel'eva I.M. «Tsikly Kondrat'eva» v istoricheskoi retrospekti-ve. 2-e ispr. izd. M.: Yustitsinform, 2009.
- Savel'eva I.M. Andrei Poletaev: interv'yu kak opyt nauchnoi biografii // Logos. 2015. N 1. S. 226–288.
- Savel'eva I.M. V poslednie desyat' let Andrei v znachitel'noi mere oshchushchal sebya sotsiologom // Doktorov B. Sovremennaya rossiiskaya sotsiologiya: Istoriko-biograficheskie poiski. 2015.
- Savel'eva I.M., Poletaev A.V. Istoriya i vremya: v poiskakh utrachennoho. M.: Yazyki russkoi kul'tury. 1997.
- Savel'eva I.M., Poletaev A.V. Znanie o proshlom: teoriya i istoriya. V 2-kh tt. T. 1: Konstruirovaniye proshlogo. T. 2: Obrazy proshlogo. M.: Nauka, 2003, 2006.
- Savel'eva I.M., Poletaev A.V. Tipy znaniya o proshlom // Fenomen proshlogo / pod red. I.M. Savel'evoi, A.V. Poletaeva. M.: GU-VShE, 2005. S. 12–66.
- Savel'eva I.M., Poletaev A.V. Sotsial'nye predstavleniya o proshlom, ili Znayut li amerikantsy istoriyu. M.: NLO, 2008.
- Savel'eva I.M., Poletaev A.V. Klassicheskoye nasledie. M.: ID GU–VShE, 2010.
- Sosloviye russkikh profesorov. Sozdatel'i statusov i smyslov / pod red. E.A. Vishlenkovoi, I.M. Savel'evoi. M.: ID VShE, 2013.
- Poletayev A.V. Gross Domestic Product of the Russian Federation in Comparison with the United States, 1960–2004 // Scandinavian Economic History Review. April 2008. Vol. 56. No. 1. P. 41–70.

Савельева Ирина Максимовна, доктор исторических наук, директор ИГИТИ им. А.В. Поletaева, ординарный профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва); isavelieva@yandex.ru.

Entangled History of Andrei Poletayev

This article represents a scientific biography of the outstanding Russian scholar – economist, sociologist and historian Andrei Poletayev (1952–2010). His studies created a foundation and led to new developments in a series of social disciplines. The article describes Andrei Poletaev's way into historical discipline, the transition of his research interests from the analysis of economic processes to economic history, and then to the contemporary theory of history, where his research was focused on the evolution of images of the past in various epochs, studies of mass representations about the past and history of social science. In this article we analyze the central theoretical ideas of his works on history written in co-authorship with Irina Savelieva.

Keywords: Andrei Poletayev, history, theory, economic history, historical time, knowledge on the past, everyday historical knowledge, classics.

Irina Savelieva, Dr.Sc. (History), Professor, National Research University Higher School of Economics (Moscow); isavelieva@yandex.ru.